

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

СИНИЙ
ТРЕУГОЛЬНИК

Великий Кристалл

Владислав Крапивин

Синий треугольник

«Автор»

2005

Крапивин В. П.

Синий треугольник / В. П. Крапивин — «Автор»,
2005 — (Великий Кристалл)

Сон и реальность, автобиография и фантастика переплетаются в этом произведении. Засел в голове у писателя Травяной Заяц, а в квартире прижился Синий Треугольник, странное существо из иных миров... А тут еще внезапно возникает и десятилетний Ерошка, племянник давнего друга...

© Крапивин В. П., 2005

© Автор, 2005

Содержание

1	5
2	8
3	13
4	17
5	20
6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владислав Крапивин

Синий Треугольник

Повесть-воспоминание о странном

Котам Макс и Тяпе, а также тряпичному зайцу Митьке – героям моих нескольких повестей.

1

У Травяного Зайца голова была круглая и плоская, будто плюшевая подушечка для игло-лок. Размером с чайное блюдце. На ней светилась вышитая розовыми нитками улыбка, чернел квадратный пластмассовый нос и блестели зеленые глаза. В глазах временами искрилось лукавство, хотя вообще-то это были стеклянные пуговицы.

Тряпичное туловище зайца было в желтую и зеленую поперечные полосы. Не яркое, а словно с пыльным налетом. Длинные уши мягко болтались, лапы торчали в стороны. И вот еще что! На задних лапах была обувь: нечто вроде тапочек из черной клеенки. Я называл их «лёпы». Не знаю почему. Возможно, оттого, что похоже на «шлёпанцы».

Мне казалось, что такой заяц был у меня в давнем-давнем детстве. Мама говорила, что не было, что он приснился мне в младенческих снах, которые похожи на явь. Но я знал – он был. Просто мама почему-то не хотела признаться в этом. Впрочем, я не обижался на маму. Наши споры о зайце были вроде игры.

Но о Травянном Зайце это я так, к слову. Речь сейчас о других снах, не детских. Вернее, о том состоянии, когда начинаешь засыпать. О кратком таинственном времени между явью и сном.

В эти минуты или секунды иногда приоткрывается непостижимое. Возникают в сознании странные построения, переплетения неуловимых пространств, непонятные формулы, конструкции, которые состоят не из твердого материала, а из рассуждений, загадок и ощущений близкого открытия. Однако открытия не случается. Не хватает времени, чтобы постигнуть систему этих явившихся из иного мира головоломок. Порой удастся ухватить нить. Но время убегает, нить лопается, и ты уходишь или в сон, или в пробуждение. Сон вообще стирает память о только что виденном. А при пробуждении пытаешься лихорадочно запомнить: что же было?

Да, *было*, но что?

Нет, не вспомнить. И остается только ощущение ласковости.

Да, в том странном пространстве, среди хрупких конструкций из неведомых в нашей жизни понятий нет ни малейшего намека на раздражение, сердитость, насмешку по поводу моего непонимания. Наоборот! *Оно* пытается помочь мне, подсказать. *Оно* не виновато, что у меня мало времени. В следующий раз *оно* будет стараться снова, с прежней ласковостью... Хотя, кажется, я выбрал неточное слово. «Ласковость» – это поверхностное чувство. Вроде как погладил по головке и отошел. А здесь все пространство состоит из терпеливой доброты и... ну, если не любви, то явной симпатии. Бескорыстной и неизменной. И это, по правде говоря, странно. Потому что *кто* я для него, для этого неизвестного мира?

Такое отношение к себе от посторонних я испытал лишь однажды. Очень давно.

Мне было лет семь-восемь. Кто-то подарил мне самокат – красный, блестящий, на белых дутых шинах. Сперва я гонял по дощатым тротуарам в своем квартале. Но счастье распирало меня, и постепенно я уезжал все дальше – по плитам и асфальту ближних, а потом и не очень ближних улиц. И наконец увидел на углу кирпичного дома табличку «Ключевской спуск».

Улочка была незнакомая. Она мне понравилась. Тихая, малолюдная, со старинными одноэтажными магазинчиками, мастерскими и аптеками. Посредине тянулась в обрамлении травяных газонов булыжная мостовая, а у домов – узкие, но гладкие полосы асфальта. И главное, что они вели под уклон! Ура!

Я помчался, не ощутив сначала ни капли страха. А когда ощутил, оказалось, что тормозная планка под пяткой ослабела и не сдерживает скорости. Окна, вывески, трава, фонари летели по сторонам от меня, размазываясь в полосы. В одном месте тротуар образовывал плавную дугу. Для кого плавную, а для кого... Мама!.. Звон, сверканье и грохот. Это я на «всем скаку» пробил большущее сплошное стекло – оно было вровень с асфальтом. Следом влетела в помещение туча осколков. Я сел на желтых гладких половицах и, ничего еще не чувствуя, заревел, потому что надо мной склонились люди.

– Я больше не буду!

– Вы посмотрите на этого молодого человека! Он больше не будет! Это очень даже приятно слышать! Потому что такого случая вполне уже хватит на всю жизнь! Где у тебя болит?! – Это кричал низенький худой старик с загорелой лысиной, седыми клочками на висках и блестящими очками на кончике носа. – Отвечай сейчас же, что ты разбил, сломал и порезал?!

– Я нечаянно!.. У меня есть знакомый стекольщик дядя Митя, он вставит стекло!

– Вы послушайте эти речи, он говорит про стекло! Я спрашиваю про тебя! Скажи спасибо, что ты, кажется, живой и только немного поцарапанный!.. Эти пьяницы из жестяной артели опять украли решетку, что стояла перед окном, и вот мальчик чуть-чуть не стал инвалидом! Это надо же видеть, как у людей совсем пропала совесть!... Сонечка, возьми в аптечке белый пузырек, вату и бинт...

Высокая старуха в старомодном зеленом платье, бормоча и сокрушенно мотая головой, тут же принесла все перечисленное. Старик ухватил меня под мышки, усадил в высокое кресло.

– Покажи руки, ноги и уши. Не бойся, щипать не будет, это тебе я говорю, Матвей Борисович Гольдштейн, а люди знают, что мастер Гольдштейн всю жизнь говорит только правду...

Он смазал чем-то шипучим и забинтовал мне колено (и правда не щипало), украсил узкой марлевой повязкой лоб, хотя царапина на нем была тонкая и неглубокая. Больше ран и порезов не обнаружилось. Самой большой потерей был, пожалуй, галстучек моей сатиновой матроски, который стекло срезало напрочь, словно бритвой. Но старуха Сонечка тут же, прямо на мне, аккуратно пришила галстучек синими, под цвет сатина нитками. Потом поставила к стене мой самокат и стала заматывать осколки.

Я уже совсем пришел в себя. Оглядывался и понимал, что оказался в фотомастерской. Потому что надо мной была прозрачная косая крыша из стеклянных квадратиков, на стене – декорация с острыми кавказскими горами и всадником в черкеске, у которого под кубанкой дыра вместо лица. По углам стояли на треногах желтые деревянные ящики с медными планками и закрытыми кожей объективами. Повсюду висели фотопортреты очень разных людей. Мне запомнился снимок худенькой девчонки с веснушками на треугольном лице. Серьезная такая и... будто даже знакомая. Но вспомнить я не успел – за разбитой витриной остановились два красноармейца. В обмотках, в серых скатках через плечо, с жестяными звездочками на пыльных пилотках. Над плечами – тонкие штыки с солнечными искорками на остриях.

– Хозяин! Карточки для боевых подруг сделаете?

– Охотно, молодые люди! Только не сейчас, после обеда! Тут, видите ли, у нас нечто вроде последствий небольшой бомбежки. Пока не до съемки...

Но когда красноармейцы ушли, Матвей Борисович выкатил на середину мастерской один из аппаратов.

– А вас, молодой человек, я просто обязан запечатлеть! В память о счастливом случае, результатом которого стало наше приятное знакомство.

Ничего себе, счастливый случай! Я им стекло разнес вдребезги, а они со мной, как с дорогим гостем...

Однако я уже не испытывал ни испуга, ни смущения. От мастера Гольдштейна и от старрой, сумрачной на первый взгляд, Сонечки исходило такое доброжелательство, словно я был их внуком. Я чувствовал, что они в самом деле рады мне. И не в том дело, что я счастливо избежал серьезных увечий, а в том, что я просто *есть*! Отчего это, я не понимал и понять не пытался. Мне было здесь хорошо, вот и все.

Старики завесили одеялами разбитое окно, вскипятили самовар, напоили меня сладким ржым чаем с морковным пирожным. При этом не спрашивали, как я учусь, хорошо ли себя веду и где мой папа (где он, мы с мамой тогда не знали). Старик говорил больше про себя. Рассказал, как он в юности, когда только начал увлекаться фотографией, вздумал сделать портрет соседского козла для фотовыставки о животных и был атакован этим неинтеллигентным рога-тым созданием. Я смеялся и болтал ногами. И все хотел спросить про веснушчатую девочку на портрете, но так и не спросил, постеснялся.

Матвей Борисович проводил меня до знакомой улицы Котовского. Сказал, чтобы я зашел в гости через несколько дней, тогда получу фотокарточку. И я, конечно, обещал. Но через день заболел корью и пролежал до школы. Карточка пришла по почте.

В сентябре я отправился в фотомастерскую, чтобы сказать мастеру Гольдштейну спасибо и, если получится, еще раз окунуться в необыкновенную ласковость, которую ощутил там летом. Но отыскать Ключевской спуск я никак не мог. И кого ни спрашивал, никто не слышал про такую улицу. Маме было жаль меня, и она несколько раз ходила со мной, но толку никакого. А старшая сестра сказала, что Ключевского спуска вообще нет, мастерской и старого мастера – тоже. Это одна из моих фантазий.

– Каждый день новые сказки! То какой-то травянистый заяц, то самокат! Ты же знаешь: нет у тебя никакого самоката, никто тебе его не дарил.

– Но фотокарточка-то есть! Где я с бинтами!

Карточка и правда была. Я на ней с повязкой на лбу, как раненый партизанский командир.

– Это тебя сфотографировал Мотя. В тот день, когда ты слетел с качелей!

Мотя (кстати, по фамилии Гольдштейн!) был приятель сестры, ее одноклассник. Он и правда иногда снимал нас похожим на гармошку аппаратом, а потом уехал на фронт...

Я теперь не понимаю: какой фронт? Ведь если дело было во время войны, откуда мог взяться самокат на пухлых надувных шинах? Такие стали делать гораздо позже. А откуда у разбитой витрины мастерской взяли красноармейцы в обмотках и с трехлинейками? Когда я был первоклассником (в той самой синей матроске), солдаты ходили в начищенных кирзовых сапогах, без оружия и скаток, в новеньких гимнастерках или мундирах с красными и черными погонами. У тех, что постарше, были медали «За победу над Германией»...

Теперь во всех этих давних воспоминаниях – такая же запутанность, как в загадочных построениях на грани яви и сна. Да, ласковость, но и запутанность, в которую я много раз хотел проникнуть, но не умел, не успевал...

Порой случалось: придешь в себя, и какой-то миг еще держится смутное, зыбкое, как рябь на воде воспоминание. Но сглаживается прежде, чем успеваешь закрепить его в сознании...

И все же один раз мне удалось ухватить кусочек странного мира. Я вцепился в него всеми когтями памяти, не дал ускользнуть, оторвал от хитрой многомерной головоломки, которая принялась было выстраиваться вокруг меня в зыбком мире полусна. Я резко встряхнулся, непостижимое построение исчезло, но кусочек его остался у меня в руках. То есть в голове. В том смысле, что я его помнил.

2

Это был синий треугольник.

Точнее так – Синий Треугольник. Большие буквы объясняются тем, что иначе я не могу выразить странность и многозначительность этого *нечто*.

По правде говоря, никакого треугольника я не видел. Я сидел на скомканной постели (за окнами была предрассветная муть с жидким фонарем), держал на подтянутых коленях кисти рук с повернутыми вверх ладонями, и на ладонях, кажется, было *что – то*. Невесомое, зыбкое, слегка пушистое и... как мне показалось, отливающее синевой. Именно показалось, поскольку на самом деле Это *что – то* разглядеть в сумраке было невозможно.

И было ощущение неожиданной добычи. В мире моментально забывшегося сна, в неведомом пространстве с чуждыми нашему миру законами я ухватил и сумел удержать какую-то деталь. И перенес в нашу явь. Хотя в слове «деталь» чувствуется твердость, материальность, а *это* было без прочности и массы. Лишь еле-еле, не руками, а самыми кончиками нервов я чувствовал паутинчатую структуру – не то из магнитных нитей, не то из чьих-то непонятных мыслей.

И эта структура была живая! И мне представлялось почему-то, что она ограничена контурами треугольника. Размером с пионерский галстук, какой я носил в школьные годы. Только галстук был красный, а в этом треугольнике – я уже говорил – была ощутима синева. Причем не ясная, а что-то вроде голубовато-сизого тумана.

Я тогда сразу подумал про свою добычу: «Синий Треугольник». И потом так и называл это странное существо.

Конечно, это было существо. Или, по крайней мере, мыслящая материя. И мы тут же вступили в контакт. В телепатический. Вернее, я говорил шепотом, а Синий Треугольник отвечал мыслями, которые щекотали мне мозговые извилины.

– Попался... – неуверенно сказал я. Сердце стучало, в голове таяла последняя слабенькая память о недавнем сне про *неведомое*, и я понимал, что никак не соображу, частью *чего* является Треугольник. И все же испытывал некоторое злорадство.

– Да уж, попался... – хмыкнул он (мысленно, конечно). В его тоне ощущалась снисходительность взрослого человека, который играл в шахматы с неопытным школьником и получил мат из-за нелепого и досадного зевка.

– Теперь никуда не денешься...

– По крайней мере до перепрыга, – добродушно согласился он.

– До чего? – замигал я.

– Кажется, я выразился с максимальной простотой, – сказал он с легким недоумением. – До пе-ре-пры-га. До момента, когда нити Всеобщей Координационной Сети поменяются местами. Неужели не ясно?

– Напрасно ты иронизируешь. Мы ведь из разных... так сказать, сфер. Я не знаком с вашей терминологией.

Он буркнул что-то вроде «извини».

– Ты меня тоже извини. Я вовсе не хочу делать тебя заложником...

Похоже, что он чуть-чуть хихикнул. В том смысле, что «попробовал бы...»

– Я просто хочу, чтобы ты помог мне разобраться... во всем... – неловко объяснил я.

– В чем *вовсем*?

– Ну... в том, что вижу, но не понимаю. Я про свои сны.

– У-у...

В этом «у-у» была явная ирония.

– Думаешь, я совсем тупой? – обиделся я.

Синий Треугольник чуть шевельнулся (легко и щекочуще) у меня на ладонях.

– Не совсем... но ты даже не понимаешь, что это не сны. Вернее, не понимаешь, *что такое сны*.

– Вот и объясни... – Я решил не обижаться.

– Ты хочешь, чтобы я объяснил тебе общие закономерности многомерного континуума, где законы *твоего* пространства это лишь один из миллионного множества вариантов? А в каждом таком варианте еще многомиллионные разнообразности причинно-следственных и следственно-причинных (а также всяких других) связей... Честно говоря, я и сам не могу объяснить всего... Никто не может... Кроме Создателя.

Мы помолчали. За окнами светлело, желтый фонарь погас. Видимо, было около четырех часов утра. Где-то коротко провыла милицейская сирена. Я вдруг испугался, что Синий Треугольник мне приснился, как и недавние лабиринты чужих пространств. Но он был тут, со мной. Я даже сумел разглядеть теперь что-то похожее на клоч тумана размытой треугольной формы. Сквозь туман проступали мои растопыренные ладони. Я пошевелил пальцами (их кольнули электрические мурашки) и спросил с сумрачной неловкостью:

– Но хоть на *какие-то вопросы* ты мог бы ответить?

Он ответил, по-моему, излишне поспешно:

– На какие-то – да. Конечно... Вот, например, недавно ты видел переплетение несинхронных вибрирующих линий, на пересечении которых желтые узлы пытались войти в резонанс с подтекстом симфонической поэмы Ростислава Галкина. Ты воспринял это лишь краем сознания, только внешнюю структуру, а если бы использовал, как ключ, теорию нейтральных чисел в применении к слабо искривленному пространству шестимерного уровня...

– Подожди, будь добр, – перебил я, стараясь быть деликатным. – Давай... вот что. Недавно я с полной реальностью, с занозами на досках заборов и с прожилками на листьях тополей видел улицы... одного города. Вроде бы это город моего детства, но... не совсем. Как бы в ином мире. Станный и в то же время очень знакомый... – Я чуть не сказал «родной», но постеснялся. – И вот я хожу по нему...

– И что же? – сказал Синий Треугольник. В первый миг мне почудилась усмешка. Но нет, усмешки не было. Была этакая... осторожность что ли.

– Ну и вот... – продолжал я насусленно. – Хожу и *узнаю* многое. И наконец... встречаю маму. И мы не удивляемся друг другу, будто всё так и надо. Идем рядышком и радуемся, что снова вместе... Скажи, это всего лишь простое сновидение? Игра заторможенных клеток мозга и только?

Он отозвался сразу. Как мне показалось – с легкой досадою:

– Ты же сам знаешь, что не *только*. Вернее, совсем *не то*...

«А тогда *что*? И можно ли остаться *там* насовсем?» – Я не решился сказать это голосом (даже шепотом), но Синий Треугольник уловил и мысли.

– Придет время... – ответил он уже с явной усмешкой. Потом быстро уплыл к потолку, в угол над книжной полкой, засветлел там, будто клоч обычного тумана и сообщил небрежно:

– Я пока поживу у тебя... раз уж так получилось.

– Живи, – кивнул я. И стал прислушиваться к себе и ко всему, что вокруг.

Так бывало со мной не раз спросонья. Очнешься, сядешь и мотаешь головой, пытаешься понять: какой год, какое число? Весна или зима? Кто ты на сей раз и сколько тебе лет: семьдесят, двадцать пять, десять? Собрать ли в кирзовую полевую сумку задачник, «Родную речь» и тетрадки с недоделанным домашним заданием или толкать в папку-органайзер распечатку статьи, которую ждут в редакции «Завтрашнего утра» (дурацкое название, не правда ли?). Или никуда не надо спешить, потому что на часах нет еще восьми, а пенсию знакомая ворчливая почтальонка Татьяна Николаевна принесет лишь в полдень...

Наконец, тряхнув еще раз головой, восстанавливаю «самую реальную реальность». На улице начало июля (будет жарко). До пенсии еще далеко (к сожалению). Школа – в далеком прошлом (тоже к сожалению, хотя в ней хватало *всякого*). А вчера меня выгнали с работы. И не просто, а со скандалом, даже с истерикой, которая случилась с главной редакторшей Маргаритой Глебовной Долгопень. До нее и до владельцев газеты наконец дошло, что серия моих репортажей о путешествии на шхуне «Томас Манн» не что иное, как плод чистейшей фантазии. Я их сочинил, сидя на даче у своего знакомого, художника Вити Корягина. Он в свое время ходил на больших яхтах и во время моего «борзописания» с удовольствием подбрасывал мне корабельные подробности. Вышло, кстати говоря, очень убедительно.

– И я... и я... – рыдала грузная крашенная Маргарита, – я верила всему... этому бреду... как последняя дура...

– Почему же «как», – вежливо сказал я.

– Вон... – выдохнула она, как опавший кузнечный мех.

– Скажи бухгалтерше, чтобы выдала расчет и выходное пособие, – напомнил я.

– Вот... тебе... а не пособие... – Маргарита Долгопень сложила пухлую фигу (пальцы были туго перетянуты кольцами с камушками).

Я засмеялся. Пособие все равно выдадут. А за место в «Завтрашнем утре» я не держался, меня давно уже звали в «Наши задачи» заведовать отделом писем. Работа хлопотная, но зато в письмах всегда масса интереснейшего материала... Впрочем, не буду спешить. Месяц посижу без должности, чтобы оглядеться и передохнуть...

Вчера мы в небольшой компании, в кафе «Гусиное перо», трогательно отметили конец моего сотрудничества с «Морген-моргеном» (так в своем кругу именовалось «Завтрашнее утро»). Домой я пришел ночью, в состоянии «зыбкого равновесия». Немудрено, что во сне и спросы чуждым всяким туманным треугольникам с сизым отливом...

Нет, не чудятся...

Вернее, не чудится. Треугольный клочок тумана синим дымком колыхался над шеренгой пыльных томов давно не читанных Генрика Сенкевича и Ключевского.

– Доброе утро, – хмуро сказал я, будто не виделась давным-давно. Мозги были тяжелыми, в затылке сидел занозистый деревянный кубик.

– Привет, – иронично отозвался Синий Треугольник. – Что, гудит головушка?

– Тебе бы так, – буркнул я, не испытывая никакого удивления от присутствия представителя неведомого мира.

– Ладно, сейчас, – хмыкнул он. Щекочущие электрические искорки пробежали по моим мозговым извилинам, кубик в затылке превратился в пушистый комочек и растаял. Я ощутил свежесть и бодрость готового к восхождениям альпиниста.

– Вот это да! Значит, ты умеешь убирать из мозгов всякую пакость?

– Не всякую, – «вздыхнул» Синий Треугольник. – Печаль, например, не умею...

– Печаль – не всегда пакость, – философски заметил я. И тут же ощутил ее, печаль эту. Впрочем, не сильную. Просто вспомнилось, что моя двухкомнатная обитель пуста и не прибрана, что быт неустроен, а будущее туманно, хотя уже четвертый десяток мужику.

Квартирка была мамина. Сюда я перебрался, когда не заладилось с Раисой. Вернее, сперва с Еленой, а потом с Раисой. Ну, с Ленкой-то была недолгая история, оба вовремя поняли, что «число точек соприкосновения – минимально». И разбежались без всяких терзаний. А с Раисой сперва все было «как у людей». Четыре года подряд. А потом... видимо, тоже «как у людей», если учесть, что каждая вторая семья существует не более пяти лет. И на сей раз никаких скандалов не было.

– Ты же убедился, что мы совершенно разные люди...

– Ага, – бодро согласился я, хотя было тошно. И перебрался к маме. В комнатку с желтыми полинялыми обоями и старой пружинной тахтой, на которой и раньше ночевал многократно.

Мама, конечно, печалилась:

– Я-то все ждала, что внучата будут.

– Да ведь и я ждал... А она...

Впрочем, упреками и сожалениями мама меня не мучила. Только беспомощно выговаривала, если без предупреждения задерживался в командировке или до утра застревал у приятелей на пьянке.

– Ты не представляешь, каково это не спать всю ночь и думать: «Где он, что с ним...» Неужели нельзя было позвонить?

– Мам, да там телефона не было... Ну, маленький я, что ли? Нельзя же трястись надо мной, как над школьником...

– Были бы у тебя свои дети, тогда понял бы...

– Да будут еще, будут, честное слово... – я виновато обнимал ее. «В самом деле, какая же я скотина...»

А три года назад мамы не стало. В одночасье, от сердца...

И до сих пор мне часто кажется, что в соседней комнате и на кухне я слышу ее шаги и вздохи. И как она звякает посудой, когда готовит мне завтрак. И вспыхивает порой секундная надежда: а может быть, правда? Может быть, ничего *того* не было, просто приснилось, а сейчас милосердное пространство-время восстановило нормальную структуру бытия?

Нет, не восстановило... Но порой опять кажется: вот шагну на кухню, а там...

Вот и сейчас на кухне и в прихожей чьи-то чуть слышные шаркающие шаги. Но нет, скорее всего это скребет по половицам своими «лёпами» Травяной Заяц, который (как мне кажется иногда) тайно живет в моей квартире. На глаза он показывается редко (чаще всего, когда я в подпитии), но постоянно дает о себе знать. То опрокинет на кухне бутылку с недопитым пивом, то возится и шебуршит в кладовке, то в соседней комнате листает журналы и щелкает выключателем торшера.

– Перестань безобразничать! – иногда требую я. Он в ответ насмешливо «пфыкает». Видимо, считает, что хозяин в квартире он, а не я.

Впрочем, он довольно ласковое существо. По ночам, когда уже выключен свет и ко мне приходит дремота, Травяной Заяц забирается ко мне на постель и укладывается в ногах. Я его не вижу, но прекрасно чувствую. Ощущение такое же, как в детстве, когда ко мне на кровать приходила любимая серая кошка. Повозится в ногах и затихнет... Потом кошку убил отчим – за то, что она таскала из зимней кладовки привезенное им с охоты лосиное мясо. Этого я не простил отчиму никогда...

Кстати, Травяной Заяц сам похож на кошку. Вернее, на кота. Круглая усатая мордаха его вполне могла бы сойти за кошачью, если бы не длинные уши. И кроме того, у него длинный полосатый хвост. Не заячий, а совершенно кошкин. Поэтому я иногда зову его именем «Котозай». Кроме того, он не только Травяной, но и Песчаный Заяц, потому что многие полосы на его тряпичном теле серовато-желтые, как песок на отмелях под обрывами Туры.

Видимо, Котозай часто шастает на этих отмелях и в травах городских окраин. По крайней мере, он иногда исчезает из дома на неделю, на две. Я о нем не тревожусь, знаю: никуда не денется. Иногда и не вспоминаю подолгу...

Кстати, сейчас я удивляюсь сам себе. С чего это я опять начал вспоминать о Травяном Зайце? По сути дела, отношения к этой повести он не имеет, на сюжет никак не влияет.

Да и сюжета, по правде говоря, никакого нет.

Здесь самое время объясниться с читателями.

Если кто-то вначале принял эту повесть за фантастическую историю, где будут всякие приключения, хитрые события в иных мирах, тайны и встречи с инопланетянами, то я прошу прощения. Лучше уж не читайте дальше. Потому что это не фантастика, а просто-напросто автобиографическая повесть. Точнее говоря, мемуары. Только в основе ее не события привычной повседневной жизни, а сны. Те, что приходят ко мне в течение всей жизни и стали ее неотъемлемой частью.

В прежние времена, когда в моей «самой счастливой» стране метод социалистического реализма был объявлен единственно приемлемым для нашей литературы, я, пожалуй бы, не стал писать эту вещь. Все равно не напечатают, да еще и заклеят за отрыв от «современной героической действительности». Но сейчас-то никого уже не удивишь и не напугаешь откровениями любого толка. И я могу без опаски признаться, что мир снов считаю реальным не меньше, чем тот, в котором мы ежедневно бежим на работу, ссоримся с женами, смотрим вечерние новости о парламентских склоках и очередных катастрофах и хлопчем о хлебе насущном.

Ну а поскольку сны – тоже действительность (по крайней мере, для меня), значит, они – часть жизни. И потому имеют право быть темой мемуаров. Не правда ли, ловкое рассуждение?

А в мемуарах позволено многое из того, что недопустимо в обычных повестях и романах. Можно, например, нарушать строгий ход повествования и «прыгать памятью туда-сюда». Можно повторяться. Я, мол, вспоминаю, как писал ту или иную вещь, и не обессудьте, если уже читали про это. И потому я честно признаюсь, что тема повести «Лоцман» – путешествие с мальчишкой-проводником – прозвучит здесь снова. Что поделаешь, если сны повторяются... И о сшитых из лоскутков зайцах я писал уже в нескольких прежних повестях. Впрочем, не совсем о таких, как этот Травяной (и Песчаный) Заяц.

Надо же, опять я о нем! Странно... Ведь ничего он в этой повести не делает. Однако чем дальше, тем отчетливее я понимаю – присутствовать он в ней будет. Потому что ему так хочется. Потому что таковы Сны...

Ну, хватит отступлений. Поехали дальше...

3

Синий Треугольник прижился у меня. Нельзя сказать, что мы стали друзьями – слишком уж разные – но относились друг к другу с симпатией. Часто беседовали по вечерам. И Синий Треугольник, несмотря на мою человеческую бестолковость, кое-что все же сумел объяснить мне о хитростях многомерного, многовариантного, кристаллического и замкнутого в бесконечную петлю Мёбиуса мироздания. И о природе бесконечно-конечного и подвижно-неподвижного Времени.

То есть я понимал все это (или почти все), когда слушал Треугольника. А потом – увыв – забывал. Особенно про Время. Поэтому не обижайтесь и не удивляйтесь, что, например, Мотя Гольдштейн в моих мемуарах то старик, то погибший на фронте выпускник школы, то мой ровесник и современник. И сам я, родившийся до Второй мировой войны, вдруг в нынешние годы, на грани двух тысячелетий, оказался вполне еще цветущим мужчиной. В хитрых лабиринтах непостижимого для простых умов мироздания у Времени свои законы... А, вот в чем дело! Синий Треугольник объяснял, что Всемирное Время не признает старости в ее земном понимании. Старость для него, для Времени, аномалия. Нарушение нормальных законов. Поэтому в своих снах я ни разу не видел себя стариком. Пацаном в вельветовом костюмчике образца сорок восьмого года и со школьной сумкой через плечо – сколько угодно. Студентом, обмирающим перед экзаменом или млеющим на свидании с первокурсницей Лариской Бокковой – тоже. И горящим жаждою сенсаций и открытий молодым корреспондентом на борту океанского парусника – многократно. А скрюченным от радикулита пенсионером – НИ-КО-ГДА.

Вот и в пору общения с Синим Треугольником я был молод и крепок, хотя год наступил уже... Впрочем какое значение имеет здесь *год* ...

Итак, я бездельничал, иногда развлекался с приятелями, порой грустил по поводу неосуществленных планов, а по вечерам беседовал с Синим Треугольником.

Обычно я садился на тахту, у торшера, а он устраивался у меня на коленях.. Колыхался и слегка искрился. Мои потертые джинсы виднелись сквозь его туманное тело. Был треугольник совсем небольшим, но порой меня охватывало жутковатое понимание (озарение какое-то!), что я касаюсь чего-то неизмеримо громадного и непостижимого, как если бы взял в ладони скопление галактик. Вскоре, однако, такое ощущение таяло. Треугольник делался маленьким и уже привычным (почти как Травяной Заяц). Иногда он сгущался, твердел и становился похожим на кусок сизого пластика с лохматыми краями. В такие моменты я его гладил, будто кота и, кажется, ему это нравилось. Ну, по крайней мере, он никогда не возражал.

Однако ощущение необычности и громадности треугольника никогда не исчезало из моего сознания полностью, тихонько жило там. И однажды я полушутя сказал:

– Слушай, а Бермудский Треугольник на нашей планете случайно не твой родственник? Или, может быть, твое отражение? Вдруг ты однажды повис над Атлантикой, отразился в ней и появилось там такое колдовское место...

– Чушь какая, – отозвался он с зевком.

Однако я был в дурашливом настроении и настаивал:

– Вовсе не чушь. Рассуди здраво. Там треугольник и ты – тоже. Ты синий, и там вода синяя...

Он ответил с неожиданной досадой:

– Тебе пора бы понять, что вовсе я не синий. И никакой не треугольник. Ты цепляешься за случайные ассоциации...

Я почему-то смутился и, скрывая это, пробурчал:

– Согласись все-таки: что-то... тройное... в тебе ощущается. Разве нет?

Он хмыкнул:

– Ну, разве как в тройном одеколоне... – Надо сказать, с юмором у него было все в порядке. Возможно, это общее свойство многомерных миров.

– По крайней мере, в данный момент ты сейчас ни что иное как треугольная сатиновая косынка, – продолжал я. Таким он в ту минуту и был, а мне хотелось скрыть свою неловкость.

– Ну и что?

– Да ничего. Просто сравниваю. Тебя даже можно завязать узлом, как обычный платок.

– А ну-ка завяжи, – сказал он с непонятной интонацией. – То ли подначивал меня, то ли что-то задумал.

«Ах, так?...» – Я начал связывать прямым морским узлом два конца «косынки». И опасался при этом, что они, чего доброго, затвердеют, спружинят и хлестанут меня по носу. Ну ничего не случилось. Треугольник не сопротивлялся. Наоборот, вытянул длинным языком третий, тупой угол косынки: завяжи мол, и его. Я обвязал язык петлёю вокруг прямого узла.

– Неплохо... – заметил Синий Треугольник (превратившийся теперь в тряпичный комок). – Даже интереснее, чем я думал. Моте Гольдштейну понравилось бы. Сколько негативов сразу легло друг на друга. И рельсы переплелись самым неожиданным образом. Вот только левый край сигма-пограничной области чуть перекосило, но это, видимо, неизбежно...

Я, конечно, ничего не понял и виновато спросил:

– Развязать?

– Ни в коем случае! Конфигурацию надо сохранить... Возможно, это не случайно... Сделай вот что. Открой верхний пустой ящик своего стола. Осторожно положи меня туда. Запри на ключ. Ключ никому не давай...

Я почему-то ослабел от непонятных предчувствий. Выполнил все беспрекословно. И опасливо спросил у Синего Треугольника (вернее у блестящего замка на ящике, в котором Треугольник был заперт):

– А теперь что?

Он ответил отчетливо, но непонятно:

– Больше ничего. Живи...

Я не решился переспрашивать. Был поздний вечер, лампа не горела, за окном, над крышами и тополями светился июльский закат. Створки были открыты. Даже сюда, на пятый этаж долетал запах бензина и нагретого асфальта.

Почему-то я чувствовал себя, как набедокуривший мальчишка, который спешит улечься в постель, чтобы никто не догадался о его проделке. И я улегся. И спал всю ночь без снов. А проснувшись, сразу посмотрел на ящик стола. Замочек на нем искрился.

– Треугольник... – неуверенно позвал я.

Он отозвался недовольно и сонливо:

– Чего тебе? Я ведь сказал: живи... А про меня считай, что я улетел... к себе...

– Насовсем? – печально спросил я.

– Насовсем ничего не бывает, – назидательно отвечивал он. – А пока не мешай...

Что мне было делать? Оделся, побрился... Стал думать: какие самые неотложные дела. И понял – не знаю. То есть были они, дела-то, но ни за одно браться чудовищно не хотелось. Все казалось нудным, бесполезным и скучным до тошноты. Видимо, я зашел в какой-то тупик. Захотелось сделаться маленьким и пожаловаться маме. Это было невозможно. Однако искорка памяти о времени, когда был пацаненком, не угасла. Сделалась даже ярче. Побежала, провела меня по улицам города, где я жил в свою школьную пору.

Так все ясно и тепло вспомнилось. И если уж нельзя полностью вернуться в школьные годы, то оказаться в местах своего детства – дело вполне доступное. Особенно, если не занят работой, а в бумажнике есть кое-какая сумма...

Ну, сумма-то есть, а в том городе, в Малогде, – что? Никого и ничего. Ни друзей, ни близких знакомых. Всех жизнь раскидала по разным краям.

Неужели всех?

Память услужливо подсказала: «Помнишь, три года назад к тебе в редакцию заходил Альберт Гавриков, который когда-то учился в параллельном классе? Ты в „Б“, а он в „А“. Вы были в редколлегии школьной газеты. Конечно, не друзья, но все-таки... Он был здесь проездом, посидел в редакции всего полчаса, но все же кое-что вспомнили по-доброму, выпили по бутылке пива, и он оставил свой телефон...».

Где он, телефон-то? Разве найдешь теперь?

– В старой записной книжке, в тумбочке под телевизором, – сонно сказал из ящика Синий Треугольник.

Я нашел эту книжку – пухлую, потрепанную, стянутую тонкой резинкой. Когда я сдернул резинку, из книжки посыпались поблекшие автобусные билеты (со счастливыми номерами), какие-то квитанции и чьи-то забытые визитные карточки. Телефон Альберта я тоже нашел. Только не на «Г», а на «Т» – «Тавриков». 55-00-71. И код Малоды, состоящий в основном из двоек.

Я почему-то заволновался (глупо, не правда ли?) Набрал на своем кнопочном аппарате все цифры. Противный девичий голос (так и представилась капризная красотка с маникюром) начал злорадно повторять: «Неправильно набран номер... Неправильно набран номер... Неправильно наб...»

Я досадливо брякнул трубку. Кажется, начиналась телефонная абракадабра из моих многочисленных снов, когда надо срочно куда-то дозвониться (маме, друзьям или в Гавану – другу детства Сашке Метёлкину, – а связь срывается, срывается...).

– Уточни в справочном, – лениво и досадливо посоветовал из ящика Синий Треугольник.

Я дозвонился сперва до справочного междугородной АТС, потом до справочного Малоды. Оказалось, что теперь там семизначные телефоны, начинаются с двойки. Я начал опять набирать цифру за цифрой. Было занято, занято... Утро за окнами превратилось в полдень – какой-то странный, зеленоватый, будто над улицей сгустилась тропическая листва. В прихожей прошлепал по половицам своими «лёпами» Травяной Заяц и с любопытством глянул на меня в дверную щель. И когда глянул, телефон отозвался наконец длинными гудками. А затем и полужнакомым мужским голосом Гаврикова (или Таврикова):

– Слушаю вас...

– Извините... это Альберт?

– Я...

– А я... – и назвал себя. – Помнишь, ты как-то заходил ко мне в редакцию, года три назад...

Голос разом изменился:

– Славка!.. Что значит «помнишь»?.. Ты откуда звонишь? От себя или к нам пожаловал?

– Пока от себя... Но хотел пожаловать на пару дней. И такой вопрос: можно заскочить к тебе? Это на первые два-три часа. Конечно, я устроюсь в гостинице, но сперва надо осмотреться...

Я не услышал, а скорее просто ощутил, как Альберт на том конце связи поскущел:

– Конечно, старик. О чем разговор... Только...

– Ну, если это неудобно, то извини. Я понимаю...

– Причем тут неудобно! Просто сегодня вечером я с супругой и дочкой отбываю в Сочи...

Ох как все это досадно... Но послушай... У тебя билет уже есть?

– Пока нет...

– Тогда вот что. Купи сегодня билет и до семи вечера позвони мне. Скажешь номер поезда и вагона. Я договорюсь, что тебя встретит мой племянник, даст тебе ключ. Увидеться мы уже не успеем, но квартира и холодильник будут в твоём распоряжении. А то в гостиницах-то цены сейчас ого-го... Лады?

– Лады, – сказал я со смесью досады и благодарности. Все-таки школьное товарищество – вещь добрая и крепкая...

Купить билет было непросто – отпускной сезон. Я, размахивая газетным удостоверением (Долгопень забыла его отобрать), пробился к начальнику касс. Излил на него бурную историю о срочной корреспондентской командировке. Измученный начальник сказал, что есть билеты только в вагон СВ, с двухместными купе. Цена была почти как на самолет, но я махнул рукой: ради поездки в родные места можно себе позволить...

Потом я опять позвонил Альберту. Того не было дома, ответила его жена – дама с бархатистым голосом. Она была в курсе, но отнюдь не в восторге от неожиданного квартиранта. И не проявила излишней деликатности:

– Надеюсь, вы будете аккуратны с газовой плитой. И с холодильником. То есть в отношении его содержимого проявите «щадающий режим»...

– Да что вы! Я в него даже не загляну!... И вообще... Если я... как говорится, не ко двору, то...

– Ладно, ладно, – смягчилась она. – Не обижайтесь... Поезд приходит утром? Я всё передам Альберту, вас встретят... – И хлоп! Короткие гудки..

Ну и ладно. Могу ведь и в гостиницу... Интересно, а кто встретит-то?

Я начал собирать чемодан. Спросил у Треугольника:

– Взять тебя с собой?

– Еще чего... – буркнул он из ящика (разумеется, телепатически).

– А что ты будешь тут делать один?

– Что значит «один»? – хмыкнул он. – Впрочем, оставь ключ от ящика.

– Кому? Соседке, что ли?

– Травяному Зайцу...

– И Песчаному? – ехидно подыграл я.

– И Песчаному...

– Где же я его найду? Он прячется по сусекам...

– Оставь ключ на столе. Только продерни в кольцо шнурок. Заяц потом наденет на шею...

– Как мило... – недоверчиво буркнул я, но послушался.

4

Поезд отходил в десять вечера. На перроне было душно, пахло горячим асфальтом, в воздухе плавал редкий пух тополей (они поздно и неохотно цвели в этом году). Над рельсами висел неяркий закат. В нем были зеленые краски – как и в нынешнем странном полдне. На мутноватой зелени облаков и неба чернело кружево мачт, проводов и виадуков. Стало как-то неуютно, я поскорее зашел в вагон.

В купе было прохладно, пахло чистым бельем и салфетками. Соседом оказался добродушный толстяк, он сразу спросил, не хочу ли я пива. Я хотел. Мы выпили по три бутылки, поезд тем временем тронулся. После пива мне захотелось в туалет. Когда я вернулся, сосед мирно спал носом к стене, по его лысине пробегали блики мелькающих за окном огоньков.

Плафоны в купе не горели, я не стал включать ни один. Не раздеваясь, лег навзничь поверх постели. Почему-то вспомнилось, как в таком же дорогом и комфортабельном вагоне я ехал в Калининград, чтобы там оказаться на борту шхуны «Томас Манн». (Тьфу, черт! Не было же никакой поездки и шхуны! А в Калининграде я был только в детстве, со школьной экскурсией).

Запрокинув голову, я смотрел в окно, в зеленовато-белесое небо. Туда выплыла и неподвижно повисла над мчащимся вагоном пухлощекая луна. Ее «лицо» напоминало рожицу Травяного Зайца. Сосед похрапывал негромко, неназойливо и не мешал моему общению с луной.

– Привет, – сказал я ей.

Тогда появился и сам Заяц. Я его не видел, но почувствовал, как он забрался на постель и устроился у меня в ногах. По джинсовым штанинам царапнул висевший на шее у Зайца ключ.

– А как же Синий Треугольник? – спросил я. – Ты его оставил взаперти?

Травяной (и Песчаный) Заяц не удостоил меня ответом и притих..

Я уснул.

Мне снилось что-то хорошее, из «серии» снов про заманчивые рельсовые дороги и странные, просторные, как дома, вагоны, сцепленные в длинные поезда. В этих поездах можно было заблудиться, как в незнакомых кварталах. Вагоны весело встряхивало на стыках. За широкими окнами – то над верхушками лесов, то над шпилями причудливых городов – слева мчалось косматое желтое солнце, а справа белая большущая половинка луны...

Но я помню этот сон смутно. И вместо него расскажу другой. По содержанию он мало похож на тот, полузабытый, но по ощущению – похож. В нем то же самое ожидание необычного. Вернее, я просто вставляю сюда несколько страниц своего старого дневника. В обычной повести я не решился бы на столь дерзкое нарушение правил, на разрыв и ломку сюжета, на затягивание действия. Но ведь сейчас-то – мемуары. В них вполне допустимы авторские отступления и документальные вставки.

Итак...

«10 апреля 1997 г.

Вчера ездил выступать в уралмашевскую школу № 144.

Милые пожилые учительницы (явно преданные своему делу). Славные умные шестиклассники (по прежним меркам – пятый класс).

Внизу, в вестибюле – охранник интеллигентного вида, в аккуратной униформе – штрих эпохи...

Среди слушателей (их было человек шестьдесят) рыжий Ванечка, очень похожий на Фаддейку из моей повести „Оранжевый портрет с крапинками“. Только без веснушек и, видимо, с более благополучной судьбой – сын преподавателя французского языка, ведущего в этой школе факультатив.

Юный литератор. Исписывает общие тетради „историческими романами“. Мне это рассказала учительница, которая провожала меня до стоянки такси. Видимо, Ванечка – ее любимец.

А потом этот интеллигентик с рыжими локонами приснился мне в очередном сне про *Город и поезда*. Будто мы с другом (похожим на Леню Шубина) приехали в Тюмень (сказочную) по какому-то делу и с нами этот бесенок – то ли сынишка, то ли племянник Леонида. И в то же время это сын моих севастопольских друзей Юрка Вихрев в его бытность пятиклассником (он хотя и не рыжий был, но тоже с локонами).

Мы ходили по Тюмени, попадали в какие-то приключения (почти сразу забытые), слегка заблудились в логу. Но главная наша (моя и Леонида) задача каждый день была – достать на вечер бутылку коньяка. В городе – трудности со спиртным и продуктами. За бутылками мы ходили на окраину, в дом за зеленым забором, к частной торговке – симпатичной тетушке, которая (мы это видели) благоволит нам. Причем, каждый раз оказывалось, что ее дом уже не в Тюмени, а где-то на окраине Москвы, но мы это воспринимали как должное.

Итак, мы покупаем бутылку, а наш юный адъютант Ванечка дурачится и поддразнивает нас за порочное пристрастие к горячительным напиткам. Но поддразнивает в меру, не переходя грань. И мы на него не сердимся.

Наконец приходит вечер отъезда. Мы последний раз идем за коньяком. Тетушка дает нам длинный сосуд с греческим пойлом типа „Арго“ и виновато говорит, что другого нет.

– А закуски, извините, вообще никакой. Даже хлеба нет. Городское начальство прохлопало ушами, и сегодня вся Москва осталась без хлеба.

И вот мы уже в поезде, в купе (где почему-то стеклянная крыша). Ванечка старательно переодевается и оказывается в новенькой пионерской форме – такой, какую надевал Юрос Вихрев в первые сентябрьские дни 85-го года (смотри повесть „Заяц Митька“).

– Ты чего это так нарядился?

– А как же! Мы ведь домой едем, а это праздник!

Я не совсем понимаю, что значит „домой“. Это понятие во сне окутано неким мистическим смыслом. Но такие соображения не мешают мне согласиться с Леной, что пора пропустить по рюмочке – в честь того, что поезд вот-вот дернется и повезет нас (куда? – я не знаю, но в этом незнании есть ожидание новых приключений). Я чувствую, что поедем мы не просто по железнодорожному пути, а по сказочной *Дороге* ...

Но негодный Ванечка не дает нам отметить это событие. Он хватается за бутылку, выскакивает с ней в коридор и начинает по-обезьяньи прыгать перед дверью, дразня нас.

Этакий внешне образцовый мальчик – и вдруг с коньяком! Он дискредитирует и себя, и нас!

– Иван, выдеру! – жалобно говорит Лена.

Ванечка продолжает дурачиться. Бурная жидкость бултыхается в длинной бутылке и грозит выплеснуться, потому что пробка уже вынута. Вдруг поезд дергается. Ванечка, поскользнувшись, с размаха садится на линолеум вагонного пола, раскидывает коричневые журавлиные ноги широкой буквой V. Тоже мне „Виктори“!

Лена подхватывает Ванечку, а я бутылку.

– Ой... – Ванечка с болезненной улыбкой трет ушибленное место.

– Сильно стукнулся? – сдержанно сочувствуем мы.

– А вот и нисколько!

Он входит в купе, упирается в столик ладонями и прижимается носом к стеклу. За окном тихо проплывают странные городские и станционные постройки. В том числе и громадное кирпичное здание с часами, похожее на английский Вестминстер.

Под отглаженной рубашкой Ванечки топорщатся острые лопатки. И меня вдруг пронзает резкое беспокойство за этого пацаненка. Я понимаю, что его веселость и дурашливость – способ скрыть какую-то болезненную тревогу. За кого? За себя, за нас всех?..

И просыпаюсь...»

И я проснулся. С этой самой тревогой и в то же время с ожиданием каких-то необычных случаев (хотя, повторяю, сон был не тот, что я сейчас пересказал). За окном пролетали перелески, сверкало яркое утро. Травяного Зайца в ногах, конечно, не оказалось. Не было и добродушного толстяка на соседнем диване. Я сел. И понял, что ни умываться ни завтракать уже некогда. За перелесками проплыло знакомое здание элеватора, прогудел под колесами мост через речку Галчиху – значит, поезд подходил к Малогде.

Я вдруг подумал: «А почему „Малогда“? Разве так назывался город моего детства раньше? И... вспомнить не мог. Зато пришла догадка. Название это похоже на Вологду, но сходство случайное. „Вологда“ – от того, что где-то в тех краях в старину волоком передвигали суда. А „Малогда“ – из той же компании, что „когда“, „никогда“, „всегда“, „иногда“... Означает „мало когда“, „в редких случаях“. Может быть, потому, что сейчас меня ждали здесь какие-то необычные события?

Да чего ждать-то, кроме встреч со знакомыми улицами, старым зданием школы и береговыми кручами над Турою?

Но все-таки, все-таки... Может быть, не случайно вчера днем и вечером стоял в воздухе зеленоватый свет, а ночью снилось странное... Кстати, откуда это выражение – „желать странного“? Кажется, из Стругацких.

Поезд сбавил ход, тормозил. И вместо „странного“ появилась здравая и скучная мысль: „Ну, а чего меня сюда принесло-то? В эту... Малогду? Чего я здесь ищу?“ Спросить бы у Синего Треугольника (это, по-моему, он во всем виноват), но разве до него сейчас докричишься?.

Вагон дернулся и замер. Я подхватил чемодан и вышел на платформу – единственный из всех ехавших в этом „СВ“ пассажиров.

5

Станционное здание было двухэтажное, кирпичное, с побеленными архитектурными выступами и карнизами. Выступы между окнами и под крышей складывались в орнамент из плавных линий – модерн первых лет двадцатого века. Тогда в этом стиле часто строили вокзалы, водонапорные башни, электростанции и городские училища.

„Странное дело“, – подумал я. Потому что знал: в Малогде еще десять лет назад построили новый вокзал. Здесь, на кирпичном фронтоне было написано: „Малогда-I“. Может быть, новое здание на станции „Малогда-II“?

Впрочем, ломать голову не было смысла. Если уж завязал на Синем Треугольнике узлы, можно теперь ожидать чего угодно...

Никто меня, конечно, не встречал. Дощатая, уже теплая от солнца платформа была пуста. Вдоль вокзального фасада сонно ходил туда-сюда белобрысый милиционер с фуражкой в зажатых за спину руках. У решетчатого забора сидели несколько тетушек – торговки подсолнечными семечками. Дремали, не видя покупателей. Неподалеку от них, безразлично прислонился к столбу и грыз длинный огурец мальчишка в балохонистой пестрой одежде.

Потом – стук-стук-стук каблучками – возникли два юных создания с ослепительными обесцвеченными волосами, в кожаных мини-юбочках и таких же куцах, похожих на лифчики жилетках. Переглянулись, кокетливо заулыбались и... пошли ко мне, качая тяжелыми клипсами.

– Здравсте...

– Рад вас приветствовать, – изысканно отозвался я, противясь желанию пройти еще раз глазами по их смуглым ногам. – Я могу быть чем-то полезен сеньоритам?

– Да... то есть... ой... а это правда *вы*? – с каким-то чересчур искренним, несовременным смущением выговорила одна, с клипсами из красных кристалликов.

– То есть я – это правда я. Без всякого сомнения. А в чем дело?

– Значит, вы правда... – и другая девица назвала мое имя и фамилию. – Да?

– Я... да... А! Вы от Альберта Гаврикова? То есть Таврикова!

– Нет, – сказали обе разом. И та, что с красными кристалликами, объяснила: – Мы хотели... ваш автограф...

– М-м... а зачем? Я не звезда, не знаменитость. Не понимаю...

В самом деле, что им стукнуло в голову? Зачем им автограф рядового корреспондента городской газеты (к тому же, не здешней)?

– Но ведь это вы написали про плавание на шхуне „Томас Манн“?

О, елки-палки! Неужели слава моих скандальных публикаций докатилась и сюда? Маргарита Долгопень должна ценить: я сделал ее газете междугороднюю рекламу!

– Вообще-то да, я. Но...

– Ну, пожалуйста! – попросили обе с томными голливудскими улыбками.

Признаться, все это сладко пощекотало мое авторское самолюбие.

– Хорошо... Только авторучка у меня в чемодане... – И, нагибаясь, я улучил секунду, чтобы снова скользнуть взглядом по идеальным, как у фотомоделей, ножкам.

– У нас есть! Вот! Распишитесь два раза, пожалуйста! – Они протягивали мне ручку и две белые брошюры. Это оказались „Программы для поступающих в средние учебные заведения с гуманитарным уклоном“. Я крупно, с завитками, расписался на обеих книжках.

– Большое сэнкью, – синхронно и певуче сказали девочки. И с переливчатым смехом двинулись прочь (стук-стук-стук). Обернулись, помахали мне брошюрами. Я нерешительно помахал в ответ. Подружки (или сестры? – очень уж похожие) быстро скрылись за вокзальными киосками. А я спохватился, что не вернул им ручку. Кричать и догонять было неловко (опять

же милиционер тут – еще подумает что-нибудь). Ладно, ручка дешевенькая, пустяк... Или все-таки догнать?

Пока я растерянно размышлял, рядом вновь ощутились шаги – шевельнулись старые доски платформы. Это приблизился мальчишка с огурцом.

Он стоял в трех шагах. Наискосок от него лежала на досках четкая тонконогая тень.

Мальчишка вопросительно (и будто на знакомого) смотрел на меня зеленовато-серыми глазами.

– Вот... – Я повертел в пальцах ручку. – Забыл отдать. Ты не мог бы догнать тех девчат, вернуть им? А то я с чемоданом...

Он последний раз куснул огурец, бросил далеко назад, через плечо (и через забор) зеленый огрызок и сообщил:

– Переживут. Это Нэлька и Зинка Патраковы, их папаша владелец кожевенной фабрики, ездит на „мерсе“. Если надо, купит им тыщу заграницных ручек.

Говорил он сипловато, словно с остатками простуды. В словах его ощущалась давняя неприязнь к девицам Патраковым. А ко мне у этого пацана, кажется, был какой-то интерес. По крайней мере, мальчишка не уходил.

Он стоял, чуть расставив ноги в старых кедах без шнурков, и его широкие трикотажные штаны от ветерка колыхались у немытых колен. И подол колыхался...

По правде говоря, не нравится мне мода нынешних пацанов на такие вот пестрые обвесающие костюмы. Ребята в них выглядят, как стоячие вешалки с гардеробными плечиками, на которые небрежно брошено разукрашенное рекламами тряпье. В мои школьные времена мальчишку в таком одеянии насмешники сжили бы со света за полчаса.

Впрочем, у каждого времени свои вкусы.

„А что такое *время*?“ – ехидно вставил в мои мысли реплику Травяной и Песчаный Заяц, который, кажется, прятался в лопухах у края платформы. Я не успел отреагировать. По путям без остановки промчался столичный экспресс – красные вагоны, блестящие стекла. Вихрь взметнул над досками подсолнуховую шелуху. Мальчишкины штаны и майка-фуфайка заполоסקали, как порванные шквалом паруса. Он ухватил подол и прижал к бедрам. Полинялая одежда мальчишки была пыльно-синего цвета, с широкими желтыми поперечными полосками на штанинах, с белым кругом на груди, в котором зеленело непонятное существо – не то кенгуренок, не то маленький динозавр. Под кругом по дуге выстроились буквы непонятной желто-зеленой надписи: CICIMORA.

Что же от меня хочет этот юный „кикимора“?

Он вдруг сказал, не отводя глаз:

– А мне вы можете дать автограф?

– Ну... пожалуйста... А на чем?

– Сейчас... – он зашарил в трикотажных складках. – Поморщился: – Кажется, ни одной бумажки в карманах. Ветром выдуло, что ли...

– Подожди... – В заднем кармане джинсов я нащупал записную книжку, открыл и широко расписался на чистом листке. Вырвал, протянул:

– Держи...

Хотел спросить: „Неужели ты читал мои репортажи?“, но почему-то не решился.

Мальчишка аккуратно взял листок, поразглядывал, пошевелил толстыми потрескавшимися губами, словно разбирал мою подпись по слогам. И вдруг сказал деловито:

– Ага, и вправду это вы... Тогда что? Идем?

– Куда? – слегка опешил я.

– Ну, вы же просили, чтобы вас встретили. Вот...

– Постой! Так значит ты племянник Альберта... – Я вдруг сообразил, что не знаю отчества давнего приятеля. – Альберта Таврикова?

– Ага... Гаврикова.

– Вот оно что!

Мне почему-то казалось, что племянник Альберта – юноша студенческого возраста, а тут этакий сверчок. Лет десяти на вид. Ну, самое большее одиннадцати. Значит, кроме него некому было исполнить важную миссию встречи. Ну и на том спасибо...

– А как тебя зовут-то... племянник?

Он сказал с прежней сипловатостью:

– Ерофей.

– Ого...

– Почему „ого“? – спросил он подозрительно.

– Солидное имя. В давние времена был казак Ерофей Хабаров, открыватель Сибири. В честь его – город Хабаровск.

Щуплый Ерофей хмыкнул:

– Да знаю я... Есть еще станция Ерофей Павлович. Только я тут ни при чем...

– Понятно... Так тебя и звать – Ерофеем? Или есть еще какое-то имя? Так сказать, для домашнего пользования?

Он шевельнул уголком рта (вроде улыбки), провел тыльной стороной ладони под носом.

– Можно „Ерошка“...

Имя „Ерошка“ ему подходило. Его растрепанной пыльной одежонке, кедам без шнурков и простецкому скуластому лицу со вздернутым носом, обветренными губами и коротенькими насупленными бровями. Единственное, что не вписывалось в портрет – это волосы. Ерошке полагается быть кудлатым, а у этого – прическа аккуратного английского школьника. Пряди пепельно-песчаного цвета были тщательно расчесаны на косой пробор. Слева лежали на виске коротким крылышком, справа накрывали голову широким гладким крылом, край которого чуть загибался над ухом. Я подумал, что, может быть, Ерошку специально приукрасили так перед встречей незнакомого гостя.

Он словно прочитал мои мысли. Сердито лизнул ладонь и провел ею по волосам. Глянул исподлобья:

– Ну что? Идем?

– Идем! – Я с готовностью подхватил чемодан. И понял, что почему-то слегка робею перед этим насупленным пацаненком. Словно незнакомый Ерошка знал про меня больше, чем следует.

Он пошел впереди, и тонкая трикотажная кофта колыбалась на нем, как обвисший флаг на древке. На спине тоже была желтая надпись „CICIMORA“ („кикимора“ или „цицимора“?), но уже без зеленого существа.

Не оглядываясь, Ерошка вдруг сказал:

– А можно я буду говорить вам „дядя Слава“? А то с отчеством слишком длинно.

– Пожалуйста! – я даже обрадовался. Такое родственное обращение могло способствовать налаживанию отношений. Ерошка потрянул головой (отчего прическа слегка растрепалась). Оглянулся. Теперь он улыбался. Блестели крупные и желтоватые (видать, давно не чищенные) зубы. И в глазах искорки. Он задержал шаг и пошел рядом. Взялся за ручку чемодана:

– Давай... то есть давайте, я помогу.

– Да что ты, он не тяжелый...

С вокзала мы вышли на Станционную улицу. Знакомые двухэтажные дома с чугунными балконами, булыжная мостовая. Тротуары из гранитных плит и такие же гранитные столбики с железными кольцами. Лет сто назад к ним привязывали извозчичьих лошадей. Роняли редкий пух знакомые высокие тополя.

– Далеко идти?

– Не очень, на Кольцовскую. Ты... вы разве не помните?

Я дипломатично промолчал. Потому что не помнил. То есть, я представлял, где Кольцовская, но не помнил, где там дом Альберта. Кажется, я даже и не бывал у него никогда...

Ерошка вел меня старыми переулками. У заборов было много одуванчиков. Некоторые еще желтели, но большинство стояло с пушистыми головками. Ерошка сорвал один, дунул. Быстро глянул на меня. Я одобрительно улыбнулся. Над заборами белела новая колокольня с блестящим крестом и желто-медными, еще не потускневшими колоколами. Я понял, что недавно ее вновь построили над Никольской церковью, которая во времена моего детства была просто домом с куполообразной крышей (в нем находилась контора „Заготзерно“). Мы миновали овражек с деревянными лесенками на заросших полынью и белоцветом берегах. По дну овражка журчал среди осоки мелкий ручей. Я перешел его по камушкам, а Ерошка просто так – отчего кеды его набухли и теперь пузырчато чавкали.

– Зачем ноги-то промочил, – сказал я тоном ворчливого дядюшки.

– Подумаешь. Высохнут...

– А почему ты ходишь без шнурков? Неловко же, хлюпают...

– А они и со шнурками хлюпают. Потому что лёпы...

– Что-что? – я даже слегка испугался.

– Ну, *лёпы*, – хихикнул он. Как у Травяного Зайца.

– Ты откуда знаешь про Зайца?

Он быстро глянул на меня сбоку и снизу вверх. Серо-зелеными хитрыми глазами.

– А что такого? Многие знают про Травяного и Песчаного Зайца.... Только мало кто видел.

– А ты... видел?

Ерошка опять непонятно хихикнул и оглянулся. Словно хотел проверить: нет ли Зайца в ближних травяных зарослях.

„Ерошка, ты кто?“ – чуть не сказал я. Но тут мы из прохода между глухими заборами вывернули на Кольцовскую. Улица была такая же заросшая, как ближние переулки. Знакомая. Она вела от маленькой площади с водонапорной башней к рынку. По ней я бегал со своей улицы Грибоедова в школу.

Мы прошли под тополями к могучим кривым воротам, которые благодаря обветшавшему орнаменту на створках и жестяным верхушкам-теремкам на столбах вполне могли считаться памятником деревянного зодчества. Ерошка шуплым плечом нажал скрипучую калитку.

Мы оказались в обширном дворе с густой кленовой порослью. Сквозь нее, у кирпичной стены первого этажа, торчали два крылечка с деревянными столбами и косыми навесами. Ерошка подошел к дощатой двери. На ней висел старинного вида замок – из тех, что называют амбарными. Ерошка из-под ворота фуфайки вытащил ключ на длинном шнурке. Поковырял им в скважине. Шепотом сказал „вот скотина“. Оглянулся.

– Заело... Попробуйте повернуть, у меня силы мало...

Я попробовал. Никакого результата.

– А знаешь... знаете, что! – Ерошка непонятно оживился. – Давайте, бросим ваш чемодан в сарайчик! И сразу пойдем. Все равно в доме делать нечего!

Вот тебе на! Я надеялся малость передохнуть. Думал, что, может быть, чаем угостят. И хорошо бы принять душ... Хотя какой душ в этой постройке девятнадцатого века? Дом явно из купеческой эпохи. Кирпичный низ, деревянный верх с карнизами и наличниками из резных узоров и завитков. Все это изрядно покосившееся и поломанное.

Странно, что Альберт обитает в таком непрестижном жилище. При встрече он показался мне преуспевающим бизнесменом.

Ерошка выжидательно топтался рядом.

– Ну... давай. – покорился я обстоятельствам. – А не сопрут чемодан из сарая?

Он, кажется, слегка обиделся:

– Здесь такого сроду не бывало!

На двери утонувшего в зарослях сарайчика был такой же замок, что и на крыльце. Но он послушался Ерошку сразу. В прорезанном тонкими лучами полумраке пахло березовыми дровами. Кто-то копошился в дальнем углу. Ерошка пристроил чемодан у поленницы. Мы опять вышли на солнце.

Было очень тихо на дворе. И пусто. Лишь бродили в траве две пыльные, помеченные чернильным крапом курицы. Да еще прошел от крыльца к забору серо-полосатый большой кот.

– Кис-кис! – обрадованно сказал ему Ерошка. Но кот дернул кончиком хвоста и пропал в кленовой зелени. Ерошка смущенно посмотрел на меня.

„Ну а что дальше?“ – подумалось мне.

А он сказал:

– Идем, да?

– М-м... а куда идем-то?

– Разве вы не хотели погулять по городу?

„А разве я тебе про это говорил?“ Впрочем, спорить я не стал. Только спросил:

– Ты что, собираешься сопровождать меня?

Он слегка удивился:

– А зачем же я т... вас встречал тогда? Или... вы не хотите?

– Да нет, отчего же. Пойдем. Вдвоем веселее... – Неловко было вот так сразу взять и отшить мальчишку. И, к тому же, где я его потом найду, когда вернусь за чемоданом?... Но это были „внешние“ соображения. А глубоко внутри шевелилась догадка, что у моей встречи с Ерошкой есть какая-то сюжетная зацепка. Впрочем, в догадке этой не было беспокойства. Мной овладела беззаботность человека, который оставил все хлопоты и вырвался в долгожданный отпуск: теперь куда ни пойдешь, что ни сделаешь – все будет славно.

Ерошка откровенно обрадовался моему согласию. Подпрыгнул. Сырые кеды его опять чавкнули. Он их сбросил, поочередно дрыгнув ногами. Поднял, повертел у лица и... зашвырнул к забору, в лопухи.

– Босиком потопашь? – с пониманием спросил я.

– А чего такого...

– Да ничего. Я тоже так любил когда-то... Гляди только ногу не накопи.

– Не-а... – Ерошка с удовольствием пошевелил босыми ступнями. Они были светлее загорелых щиколоток. На левой ступне маленький прямой мизинец слегка оттопыривался. Надо же, в точности как у меня в детстве. Соседская девчонка Лилька дразнила меня из-за этого Торчалкой. И говорила, что мизинец может отсохнуть. Мы иногда дрались, и мне доставалось чаще, чем ей...

Признаться, сейчас я с удовольствием сбросил бы полуботинки и носки, чтобы пошлепать босиком по теплым плитам и асфальту, побродить по щекочущей лебеде и подорожникам. Увы, где они, невозвратные времена? При этой мысли мне опять почудилась в лопухах хитрая физиономия Травяного Зайца, но лишь на миг...

6

Мы неторопливо двинулись по Кольцовской. За квартал от площади с башней-водокачкой она (если верить табличкам на воротах) стала почему-то называться „Сонная-Кольцевая“, но меня это ничуть не удивило. Все было „как надо“.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.